

Ах, водевиль, водевиль!

Первые публикации Александра Козачинского появились в 1923 г. в допровских изданиях "Голос заключенного" и "Жизнь заключенного". Автор был тогда под следствием. Мы с этими сочинениями вряд ли когда-нибудь ознакомимся (где же найдешь такую специфическую и давнюю периодику?), остается довольствоваться отзывами корреспондентов тех лет. Они хвалили. Ал. Светлов назвал допровский псевдоним Козачинского — Ал. Козаринский — и привел выдержку из письма заключенного к адвокату: "Печатают меня хорошо. (...) Ежедневно даю 200 строк. Работа по душе".

После освобождения и переезда в Москву Козачинский сотрудничал в газете "Гудок".

А в февральском номере "Знамени" за 1938 год были опубликованы пять рассказов, написанных в августе-сентябре 1937 г. И они, и "Фоня", датированный январем 1940 г., переиздавались неоднократно, правда, все равно мало кому известны.

"Зеленый фургон" — самое знаменитое произведение Александра Козачинского. Если кто и не читал повесть, то уж фильм смотрел обязательно (экранизировалась книга дважды).

Но вот водевиль "Могучее средство" почему-то совсем потерялся. Он был опубликован в альманахе "Год XXII" в 1939 г. и — как провалился: нигде о нем ни строчки, ни слова. Единственное упоминание обнаружилось в письме Козачинского к Евг. Петрову (письма готовятся к публикации А. Яворской): "С твоей критикой водевиля согласен "на все сто". Даже приятно, когда критикуют так толково. Скажу одно лишь: я не только не видел "Эликсир молодости", но и вообще никогда в жизни не видел водевиля (в драм. театре, вероятно, был раза три). (...) Сюжет этот я придумал сам и собирался сначала сделать из него серию маленьких рисунков с подписями для "Крокодила".

Жаль, что смешная пьеса на вечно актуальную тему так прочно забыта. Но, с другой стороны, то, что не удалось отыскать ни одного упоминания ни в одной библиографии, ни одной рецензии на опубликованное произведение, дает повод надеяться на новые находки.

Наталья ПАНАСЕНКО

Александр КОЗАЧИНСКИЙ

Могучее средство

Водевиль в одном действии
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Доктор Гудбаев — лет сорока, иногда важен, иногда суетлив.

Щупак — молодящаяся особа лет 35-ти. Шляпа типа "извозчиный цилиндр" с вуалеткой. Рыжая, довольно тощая лиса, пальто ярко-зеленого канцелярского сукна.

Отец ребенка.

Парализованный старичок — небольшого роста, худенький. Длинная седая раздвоенная борода, черная касторовая шляпа с полями. Круглые очки.

Кабинет доктора Гудбаева. Слева — письменный стол, на столе Гудбаев пишет, повторяет вслух написанное.

Гудбаев. В беседе с нашим корреспондентом доктор Гудбаев сказал... Нет, не сказал, а сообщил... Нет, не сообщил, а заявил! (*Отодвигая листок.*) Превосходная мысль! Зачем ждать, пока к тебе придет корреспондент, когда самому можно написать беседу? Тем более, что корреспондент может и вовсе не прийти! А беседа в "Гигроскопическом вестнике" была бы для меня очень кстати. Беседа — не статья! Беседа почетнее. Она дает двойную славу. А двойная слава — двойные деньги. Кстати, сегодня платить за костюм и за два пуда сырья для пилюль. Эти пилюли меня разоряют! (*Продолжает писать, перечитывает.*) Заявил о новых методах лечения усталых и изношенных организмов путем применения синтетических пилюль и вытяжек из молодых побегов сельдерея, полностью заменяющего дорогостоящий целебный корень женьшень. Ярким примером может служить... (*Задумывается.*) Кто же может служить ярким примером? Скажем, Иванов? Петров?.. Нет, нужна фамилия позамысловатей. Ну, можно будет выбрать в телефонной книге. Это мелочь. Главное — пристроить беседу. Как бы не заартачился этот "Гигроскопический вестник"! Придется звякнуть Ирине Варфоломеевне. У этой дуры везде знакомые.

Стук в дверь. Гудбаев поспешно надевает чалму.

Я занят, но войдите.

Входит мадам Щупак с трехколесной колясочкой под балдахинчиком. В коляске, полускрытый портьерками, сидит парализованный старичок. Она оставляет коляску на авансцене лицом к публике. Подходит к столу.

Щупак. Доктор Гудбаев? Я к вам по рекомендации Ирины Варфоломеевны. Я пришла посоветоваться.

Гудбаев. Рекомендация Ирины Варфоломеевны для меня — все. Я глубоко уважаю ее за разносторонний ум и за стремление участвовать в научном прогрессе. Тем не менее, я могу уделить вам считанные минуты.